

Avec vue sur la mer et autre poème

Joseph Brodsky

Volume 39, Number 2 (230), April 1997

URI: <https://id.erudit.org/iderudit/32503ac>

[See table of contents](#)

Publisher(s)

Collectif Liberté

ISSN

0024-2020 (print)

1923-0915 (digital)

[Explore this journal](#)

Cite this article

Brodsky, J. (1997). Avec vue sur la mer et autre poème. *Liberté*, 39(2), 26–37.

ИОСИФ БРОДСКИЙ
С ВИДОМ НА МОРЕ

1

Октябрь. Море поутру
лежит щекой на волнорезе.
Стручки акаций на ветру,
как дождь на кровельном железе,
чечетку выбивают. Луч
светила, вставшего из моря,
скорей пронзителен, чем жгуч;
его пронзительности вторя,
на весла севшие гребцы
глядят на снежные зубцы.

2

Покуда храбрая рука
Зюйд-Веста о незримых пальцах
расчёсывает облака,
в агавах взрывчатых и пальмах
производя переполох,
свершивший туалет без мыла
пророк, застигнутый врасплох
при сотворении кумира,
свой первый кофе пьет уже
на набережной в неглиже.

JOSEPH BRODSKY

AVEC VUE SUR LA MER

1

Octobre. La mer à l'aube
est couchée, la joue sur le môle.
Au vent les cosses d'acacia,
comme la pluie sur la tôle,
agitent leur crécelle.
Un rayon levé de la mer
darde plus qu'il ne brûle.
Répercutant son acuité,
les rameurs regardent
les crêtes neigeuses.

2

Tandis que la main vaillante
du Sud-Ouest aux doigts invisibles,
démêlant les nuées,
sème l'alarme dans les palmiers
et les agaves explosibles,
le prophète, pris sur le fait
pendant la création de l'idole,
après ses ablutions sans savon,
boit déjà son premier café,
débraillé, sur le quai.

3

Потом он прыгает, крестясь,
в прибой, но в схватке рукопашной
он терпит крах. Обзаведясь
в киоске прессою вчерашней,
он размещается в одном
из алюминиевых кресел;
гниют баркасыверху дном,
дымит на горизонте крейсер,
и сохнут водоросли на
затылке плоском валуна.

4

Затем он покидает брег.
Он лезет в гору без усилий.
Он возвращается в ковчег
из олеандр и бугенвилей,
настолько сросшийся с горой,
что днище течь дает как будто,
когда сквозь заросли порой
внизу проглядывает бухта;
и стол стоит в ковчеге том,
давно покинутом скотом.

3

Puis, se signant, il saute
dans le ressac, mais au corps à corps
essuie un échec. Au kiosque,
il acquiert le journal de la veille
et prend place dans un fauteuil
d'aluminium ; des barques
pouirissent, la coque en l'air,
un croiseur fume à l'horizon
et des algues sèchent
sur la nuque plate d'une roche.

4

Il s'éloigne alors du rivage,
gravit sans effort la montagne
et retourne dans l'arche
de bougainvillées et d'oléandres
si soudée au rocher
que le fond semble faire eau
quand, à travers les broussailles,
parfois en bas paraît la baie.
Une table se dresse dans cette arche
naguère abandonnée par le bétail.

5

Перо. Чернильница. Жара.
И льнет линолеум к подошвам...
И речь бежит из-под пера
не о грядущем, но о прошлом;
затем что автор этих строк,
чьей пронизательности беркут
мог позавидовать, пророк,
который нынче опровергнут,
утратив жажду прорицать,
на лире пробует бряцать.

6

Приехать к морю в несезон,
помимо материальных выгод,
имеет тот ещё резон,
что это – временный, но выход
за скобки года, из ворот
тюрьмы. Посмеиваясь криво,
пусть Время взяток не берёт –
Пространство, друг, сребролюбиво!
Орел двугривенника прав,
четыре времени поправ!

5

Une plume. Un encrier. La chaleur.
Les semelles collent au linoléum...
La parole coule sous la plume,
vers le passé, non l'avenir,
puisque l'auteur de ces lignes,
dont l'aigle royal peut envier
la clairvoyance, le prophète,
maintenant désavoué,
ayant perdu la soif de prédire,
essaie de gratter sa lyre.

6

Aller à la mer hors saison,
outre les avantages matériels,
assure ce privilège :
bien qu'éphémère, c'est l'évasion
des parenthèses de l'année, par la porte
de la prison. Pas de pot-de-vin :
le Temps, narquois, n'en accepte.
– L'Espace, ami, est rapace !
Sur la pièce de vingt sous l'aigle royal a raison
de bafouer les quatre saisons !

7

Здесь виноградники с холма
бегут темно-зеленым туком.
Хозяйки белые дома
здесь топят розоватым буком.
Петух вечерний голосит.
Крутя замедленное сальто,
луна разбиться не грозит
о гладь щербатую асфальта:
ее и тьму других светил
залив бы с легкостью вместил.

8

Когда так много позади
всего, в особенности – горя,
поддержки чьей-нибудь не жди,
сядь в поезд, высадись у моря.
Оно обширнее. Оно
и глубже. Это превосходство –
не слишком радостное. Но
уж если чувствовать сиротство,
то лучше в тех местах, чей вид
волнует, нежели язвит.

октябрь 1969
Коктебель

7

Ici les vignes, du haut de la colline,
déploient leur opulence vert sombre.
Les femmes chauffent les maisons
blanches au hêtre rose.
Un coq vespéral claironne.
Au ralenti, par un saut périlleux,
la lune ne risque pas de se casser
sur le miroir d'asphalte ébréché :
le golfe peut facilement la contenir,
elle et la multitude des astres.

8

Quand tu as subi tant d'épreuves
– que le chagrin t'opresse –
n'attends le soutien de personne,
prends le train, débarque à la mer.
Elle est plus vaste. Plus
profonde. Supériorité
peu réjouissante. Mais,
pour qui se sent orphelin,
mieux vaut être en ces lieux, dont la vue
est un baume plutôt qu'une morsure.

Octobre 1969
Koktebel

Михаилу Барышникову

Классический балет есть замок красоты,
чьи нежные жильцы от прозы дней суровой
пиликающей ямой оркестровой
отделены. И задраны мосты.

В имперский мягкий плюш мы втискиваем зад,
и, крылышкуя скорописью ляжек,
красавица, с которой не ляжешь,
одним прыжком выпархивает в сад.

Мы видим силы зла в коричневом трико,
и ангела добра в невыразимой пачке.
И в силах пробудить от элизийской спячки
овация Чайковского и К°.

Классический балет ! Искусство лучших дней!
Когда шипел ваш грог и целовали в обе,
и мчались лихачи, и пелось бобэоби,
и ежели был враг, то он был – маршал Ней.

Часть речи (1977)

Ардис / Анн Арбор

à *Mikhaïl Barychnikov*

Un ballet classique est un château de beauté
dont les locataires délicats, loin de la prose austère
des jours,
sont séparés par la stridulante fosse d'orchestre.
Et les ponts sont levés.

Dans le moelleux velours d'empire, nous calons
nos fesses.
Battant des ailes, écrivant vite avec les cuisses,
une inviolable beauté
d'un bond se volatilise dans le parc.

Dans le brun du maillot, nous voyons les forces du mal
et dans l'ineffable tutu, l'ange du bien.
À la fin, une ovation de taille à tirer de leur léthargie
édénique Tchaïkovski et Cie.

Un ballet classique ! Art des meilleurs jours !
Quand pétillaient les grogs, on échangeait des bisous,
filaient les fiacres, on fredonnait *oh baby baby*,
et s'il y avait un ennemi, c'était le maréchal Ney.

В зрачках городских желтели купола.
В каких рождались, в тех и умирали гнездах.
И если что-нибудь взлетало в воздух,
то был не мост, а Павлова была.

Как славно ввечеру, вдали Всея Руси,
Барышникова зреть. Талант его не стерся!
Усилие ноги и судорога торса
с вращением вокруг собственной оси

рождают тот полёт, которого душа
как в девках заждалась, готовая озлиться!
А что насчет того, где выйдет приземлиться,
земля везде тверда; рекомендую США.

Dans les prunelles des sergents de ville luisaient
les dômes.

On naissait et mourait dans les mêmes repaires.
Et si quelque chose volait en l'air,
Ce n'était pas le pont, c'était la Pavlova.

Qu'il est bon, le soir, loin de la Vieille Russie,
de voir Barychnikov ! L'étoile n'a pas terni.
L'effort de la jambe et la volte du torse,
telle une hélice,

propulsent ce vol dont l'âme,
comme celle des filles lasses d'attendre, s'exalte !
Quant à savoir où l'on atterrira,
partout la terre est ferme. Je recommande les U.S.A.